

Г. Н. БОГДАНОВА

К ВОПРОСУ ОБ ИМУЩЕСТВЕННОМ И СОЦИАЛЬНОМ РАССЛОЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА КАРЕЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА¹

Исследование вопроса о социальном расслоении крестьянства как совокупности экономических противоречий в крестьянстве, является одной из важных проблем генезиса капитализма в России, ибо социальное расслоение крестьян лежало в основе развития капиталистических отношений в деревне, появления и развития капиталистической мануфактуры, образования рынка вольнонаемной рабочей силы. Зачатки социального расслоения крестьянства, как указывал В. И. Ленин, появились задолго до утверждения капиталистического производства «еще при господстве натурального хозяйства, при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян».²

Для решения вопроса о зарождении и развитии капиталистических производственных отношений в недрах феодального общества необходимо всесторонне изучить процесс имущественного и социального расслоения крестьянства России во второй половине XVIII века, ибо в этот период началось значительное углубление социально-экономических противоречий в крестьянстве.

О расслоении крестьянства во второй половине XVIII века имеется ряд статей и кандидатских диссертаций советских историков.³ Однако вопрос о расслоении крестьянства во второй половине XVIII века не получил еще должного освещения в советской исторической литературе. О расслоении крестьян Карелии специальных работ нет. В некоторой

¹ В данной статье рассматривается имущественное и социальное расслоение государственных крестьян Олонецкого, Пудожского, Повенецкого и Кемского уездов, позднее вошедших в состав Карельской АССР.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 143.

³ Е. И. Дракохруст. Расслоение крепостного крестьянства в оброчной вотчине XVIII в. «Исторические записки АН СССР», № 4, 1938; Г. Н. Бибииков. Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII и начале XIX в. «Исторические записки АН СССР», № 4, 1938; К. В. Сивков. К вопросу об имущественном расслоении крестьянства в XVIII в. «Исторические записки АН СССР», № 11, 1941; А. М. Разгон. К истории разложения крестьянства во второй половине XVIII в. «Вопросы истории», № 9, 1955; Г. Т. Рябков. Развитие капиталистических отношений в крепостном хозяйстве в конце XVIII и в первой половине XIX в. (диссертация).

степени этого вопроса коснулись в своих работах Я. А. Балагуров и О. И. Васильевская.¹

Основную массу населения Карелии во второй половине XVIII в. составляли государственные крестьяне. В состав государственных крестьян входили черносошные, экономические (бывшие монастырские) и приписные к Олонецким Петровским заводам. Численность черносошных и экономических крестьян на территории Карелии (кроме Сердобольского уезда) по 4-й ревизии (1782—1783 гг.) составляла более 35 тыс. душ мужского пола (25 033 душ мужского пола черносошных и 10 071 душ мужского пола экономических²). Государственные крестьяне находились в феодальной зависимости от самого крупного феодального собственника земли — государства. За пользование земель крестьяне платили государству отработочную и денежную ренту.

Преобладала денежная рента. Крестьяне, приписанные к Олонецким Петровским заводам, несли отработочную ренту. В счет подушной и оброчной подати они выполняли тяжелые заводские работы.³

Основным занятием крестьян большинства районов Карелии являлось сельское хозяйство. Однако продукция сельского хозяйства как в промышленных, так и в земледельческих районах не обеспечивала основных потребностей крестьянской семьи. Хлеба своего не хватало. Крестьяне нуждались в привозном хлебе. Деньги для его покупки они добывали от неземледельческих заработков — промыслов: рыболовных, железоделательных, лесных, отхожих и др. Особое значение получили морские рыболовные промыслы в Поморье, являвшиеся здесь основным занятием населения.

Развитие местных промыслов и отходничества нарушало замкнутость натурального крестьянского хозяйства, способствовало дальнейшему развитию товарно-денежных отношений. В этот период происходит расширение и укрепление связей крестьян с рынком, что способствовало расширению внутреннего рынка, укреплению экономических связей между различными районами, а также между городом и деревней. Особенно большая роль в расширении экономических связей принадлежала местным ярмаркам. В 80-е годы XVIII века, кроме существовавших Шунгской ярмарки и ярмарок при Александро-Свирском монастыре, Кижском и Шуйском погостах, были открыты новые в Петрозаводске и уездных центрах Олонецкой губернии. Вырос товарный оборот ярмарок. Большую роль в развитии торговли карельских крестьян играл Петербург. В Петербург крестьяне сбывали товары местного производства: лен, железо, пиломатериалы, рыбу, дичь и пр. Крестьянство становилось не только участником торговли, но и опасным конкурентом купечества.

На характер крестьянского хозяйства большое влияние оказывало развитие казенной и частной промышленности (железоделательной, лесопильной, судостроительной, стекольной). Развивающаяся промышленность отрывала крестьянское население на некоторый период от сельского хозяйства, создавала условия для неземледельческих заработков. Крестья-

¹ Я. А. Балагуров. Кижское восстание 1769—1771 гг. Петрозаводск, 1951; Положение Олонецких приписных крестьян в первой четверти XIX столетия. «Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР», № 1, 1948; О. И. Васильевская. Частная металлургия Карелии в середине XVIII в. Петрозаводск, 1954.

² ЦГИАЛ, ф. 558, оп. 2, д. 157, лл. 1, 19; оп. 4, д. 158, лл. 27—30.

³ Заводских приписных крестьян автор статьи касаться не будет.

яне поставляли, на частные железоделательные заводы руду, уголь, дрова, на Шальские стеклянные заводы золу и дрова; брали подряды по перевозке местной промышленной продукции в Петербург и другие города страны.

Развитие промышленности в крае и рост товарно-денежных отношений влияли на переход натурального крестьянского хозяйства в мелко-товарное, создавали условия для имущественного и социального расслоения крестьянства.

Во второй половине XVIII века в Карелии продолжалось углубление процесса имущественного расслоения крестьянства. За неимением в нашем распоряжении статистических данных для полного и всестороннего изучения вопроса о расслоении крестьянства приходится основываться на косвенных показателях. При отсутствии подворной переписи по Олонецкой губернии у нас нет статистических сведений о числе малоземельных и многоземельных крестьян, о количестве земли и скота в каждом крестьянском хозяйстве. Имеются лишь общие данные о наличии у одних крестьян большого количества земельных угодий и отсутствии земли у других.

О неравномерности крестьянского землепользования в Карелии свидетельствуют «Наказы» от крестьян Олонецкого уезда в Комиссию 1767 года. В «Наказах» крестьяне пишут: «Олонецкого погоста разных волостей государственные крестьяне [живут] при глухих и лесистых местах, на пашенных тяглых деревенских участках, а прочие от неимения тяглой питомство имеют от малопосяянного в те лесные места хлеба, а прочие от запашки и разных крестьянских промыслов и черною работою».¹

Из этих строк мы видим, что одни крестьяне имеют «тяглые» земли, другие не имеют «тяглых» земель, а живут за счет «малопосяянного» хлеба на расчистках, третьи совсем не имеют земли и обеспечивают себя доходами от промыслов или «черною работою», т. е. работой по найму.

Неравенство в землепользовании подтверждается также сообщениями чиновников Иванова и Грудницкого, обследовавших положение крестьянских хозяйств в Повенецком уезде в 1785 году. Иванов, посетивший Семчезерский, Селецкий и Паданский погосты, сообщал, что у тех крестьян «которые более имеют землю, есть еще и не обмолоченный [хлеб]. — Прочие же или покупают [хлеб] — за наличные деньги, или, нанимаясь в разные работы, вместо денег забирают хлебом».² Чиновник Грудницкий представил данные о количестве семенного хлеба, засеянных и незасеянных полей в Панозерском погосте. Рассмотрев эти данные, можно прийти к выводу, что в деревнях Панозерского погоста существовало неравномерное распределение пашенных участков между крестьянскими дворами. Так, в дер. Сапосалма из 20 крестьянских дворов 6 имели пашни на одного члена семьи от 3 до 3,3 четверика, 11 от 2 до 2,7 четверика и 3 от 1,2 до 1,6 четверика.³

В первой группе дворов имелись семена на посев земли. В средней группе крестьянских дворов почти половина не имела семян. Следовательно, эта группа в период голода разорялась. К наиболее малоземельной группе относились крестьяне, имевшие пахотных земель от 1,2 до 1,6 четверика. Такая же картина неравенства в землепользовании

¹ Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО), т. 115, XXXIV, стр. 15.

² ЦГА КАСР, ф. 2, оп. 61, д. 4/73, л. 88.

³ Там же, д. 4/73, лл. 64, 65.

наблюдается по другим деревням Панозерского погоста. Так, в деревне Юшкозеро из 50 крестьянских дворов 9 имели пашенной земли на одну душу населения от 3 до 6,6 четверика, 14 от 2 до 2,6 четверика, 16 от 0,6 до 1,2 четверика и один двор был безземельным.¹

Приведенные данные свидетельствуют также об общем малоземелье, характерном для всех групп крестьянских хозяйств. При переводе на десятины в хозяйствах состоятельных крестьян приходилось на один двор от 2 до 3 десятин пашни. В этих условиях происходила острая борьба за землю между бедной и богатой деревенской верхушкой. Особенно она проявлялась в южных и юго-восточных районах Карелии, где сельское хозяйство играло первостепенную роль в жизни населения.

Богатые крестьяне стремились сконцентрировать в своих руках наибольшее количество наилучшей земли. Беднота боролась против этого. Так, в 1787 году крестьянин Кондушской волости Вытегорского уезда Рогозин купил участок земли «4 полосы на 6 четвериков» (около половины десятины) у мещанина Архипова. Как только крестьянин Рогозин подготовил купленный участок для посева, то «находящиеся в той деревне поселяне Аким Степанов со товарищи к посеву его самовластно не допустили и притом еще работников его, пришедших хлеб сеять, били, а, наконец, от той земли его, Рогозина, и отказали, и по отказе сами те полосы... сильным образом засеяли»,² — писал мещанин Архипов в челобитной на имя императрицы в 1787 году.

Особенно острая борьба между крестьянами за землю происходила в Пудожском, Петрозаводском и Вытегорском уездах в период первого передела земель в Олонецкой губернии в 1784—1785 гг. По отношению к переделу вся масса крестьянского населения разделилась на две группы: зажиточная часть крестьянства, сосредоточившая в своих руках большую часть земельных участков, была против передела, а группа малоземельных и безземельных крестьян — за предел.

Богатые крестьяне расширяли свои земельные участки путем аренды оброчных казенных земель, покупки земли у купцов и мещан и расчистки новых участков.

После указов от 20 марта 1782 года и 16 мая 1785 года «О продаже земель купцами и мещанами» большая часть купеческих и мещанских земель была раскуплена зажиточными крестьянами (беднота за неимением денег не в состоянии была покупать земли). Так, крестьянин Петрозаводского уезда Великогубской волости Герасим Ерофеев купил у пудожского купца Баканина в 1787 году землю и сенокосы, находящиеся в Великогубской волости при деревнях Кузьминская и Антоновская за 450 руб. На купленной «безо всякого от прочих крестьян спору» земле с согласия общины он расчистил и разработал «своими трудами и наемкою» пашни «в одну перемену до 500 суслонов, а в двух по тому ж, сенного покосу до 150 заколей»³ (в переводе на десятины примерно до 75 десятин пашни и до 30 десятин покоса).

¹ ЦГА КАССР, ф. 2, оп. 61, д. 4/73, лл. 65, 66. Семена на посев имели только 15 дворов.

² Там же, д. 19/268, л. 1об.

³ Там же, ф. 656, оп. 1, д. 33/607, л. 1. Из 500 суслонов получалось 50 четвертей хлеба (в архивных материалах встречаются данные о получении из 300 суслонов 300 четвертей хлеба (50 четвертями хлеба можно засеять 50 четвертей земли, в переводе на десятины — 25 десятин, то есть по данным Черепнина 1 четверть земли равна 0,5 десятины). А. В. Черепнин. Русская метрология. М., 1940 (всего в 3 полях — 1500 суслонов или 75 десятин).

Об имущественном неравенстве крестьян Карелии говорят также некоторые данные о животноводстве. Так, обследование Повенецкого уезда в 1785 году показало, что одни крестьянские дворы имели по одной корове, другие от 3 до 5 коров, а «прожиточные» до 10 коров, одни крестьянские хозяйства были безлошадными, другие имели до 3 лошадей¹.

Дополнительным источником, а в некоторых районах (Лопских погостах и Карельском Поморье) основным для накопления капиталов являлись крестьянские промыслы и торговля. Богатые крестьяне — владельцы основных средств производства, необходимых для промысла, как-то: укладных горнов, орудий рыболовных промыслов и др. накапливали материальные ценности путем непомерной эксплуатации своих разорившихся односельчан. Некоторые из богатых торгующих крестьян становились скупщиками и опасными конкурентами купечества. В 1785 году купцы Петрозаводского уезда писали в Петрозаводский городской магистрат о том, что «есть в крестьянах такие капиталистые люди, что и лучший купец столько промыслу не имеет, сколько оне имеют и как таковые капиталистые озадачивают соседних свою братью крестьян во всякой такой продукт, о коем выше написано наперед, то настоящий купец принужден уже те продукты не у крестьян покупать, но у него с большею передачею».² Богатые крестьяне — владельцы значительных капиталов путем выдачи задатка скупали товары местного производства: хлеб, продукты животноводства, лен; продукцию промыслов: холст, смолу, деготь, рыбу, икру, птицу, уклад и т. п. у своих односельчан и продавали их купцам в несколько раз дороже.

Некоторые крестьяне обогащались за счет выполнения всевозможных подрядов — по поставке сырья: дров, руды, золы на казенные и частные заводы, по перевозке продукции Александровского завода в Петербург, по заготовке смолы, постройке судов и зданий для купцов и т. д. Так, в 1800 году государственный крестьянин Селецкого погоста Петрозаводского уезда³ договорился с администрацией Александровского пушечного завода о перевозке на боте «Св. Иван» в Кронштадт на литейный завод и в Петербург, в дом Гаскойна, чугуна и чугунных припасов 7119 пудов 4 фунта, при условии получения за перевозку 8 коп. за пуд⁴. Или в мае 1793 года экономический крестьянин деревни Марь-Наволк, Уносской волости Шальского погоста Федор Падорин заключил договор с приказчиком Шальской стеклянной фабрики И. Дроздовым о поставке в конце 1793 — в начале 1794 годов 1000 сажен дров и 1000 мер золы при условии получения на каждую сажень дров 52 коп. и меру золы 12 коп.⁵

В феврале 1788 года экономический крестьянин Пудожской волости Челмужского погоста Г. Романов заключил договор с Петрозаводским купцом Мижеевым о заготовке и подвозке в Петрозаводск в месячный срок «своими работными людьми» 500 бревен.⁶

¹ ЦГА КАСР, ф. 2, оп. 61, д. 4/73, л. 92 об.

² Институт русской литературы в Ленинграде (Пушкинский дом), ф. 96, архив Державина, оп. 3, д. 5, л. 359.

³ По административному делению 80-х гг. XVIII века Селецкий погост входил в состав Повенецкого уезда.

⁴ ЦГА КАСР, ф. 63, оп. 4, д. 8/35, л. 4.

⁵ Там же, ф. 648, оп. 1, д. 6/111, л. 13/6 об.

⁶ Там же, ф. 63, оп. 3, д. 66/510, л. 48.

В январе 1799 года государственный крестьянин Паданского погоста Ермолин договорился с петрозаводским купцом Селиверстовым о поставке последнему 2500 пудов смолы, при условии получения за каждый пуд по 70 коп. При заключении договора подрядчик получил 400 руб. Остальная сумма выплачивалась после доставки смолы на Вознесенскую пристань и в Петербург.¹

Средством наживы для некоторых крестьян являлись также подряды по выполнению крестьянских повинностей. Так, по договору с крестьянами староста Важенского погоста Лодейнопольского уезда Петр Никитин, кроме исполнения обязанностей старосты, содержал земскую избу и ям (почтовую станцию) в Важенском погосте, получая от каждого крестьянина по 12 коп.² В 1798 году крестьянин Ругозерского погоста Повенецкого уезда Федор Якушев договорился с крестьянами этого же погоста поставлять за них (117 человек) в течение 1799 года лошадей на Вознесенскую станцию и на станции, расположенные на тракте от Олонца до Повенца, при условии получения по 50 коп. с каждого крестьянина.³

Все эти подряды приносили огромные доходы крестьянам-подрядчикам. Так, крестьянин Шальского погоста Федор Падорин за свой подряд получил 640 рублей,⁴ что по тому времени представляло значительную сумму. Взятые на себя обязательства подрядчики выполняли с помощью наемной рабочей силы, которая вербовалась, главным образом, из крестьян своих или соседних волостей и погостов.

Верхушка деревни увеличивала свое богатство путем ростовщических операций. Богачи-крестьяне предоставляли своим односельчанам хлеб и деньги:

а) Под высокие проценты. В 1763 году, например, крестьянин Селецкого погоста Акимов в своей челобитной на имя императрицы просил, чтобы ему заплатили деньги по вексям с процентами (подчеркнуто мною.— Г. Б.) в размере 67 руб. 75 коп. крестьянин Варфоломеев и др. (всего 4 человека).⁵

б) Под поставку продукции сельского хозяйства и промыслов (хлеба, смолы, дегтя и др.). В 1792 году экономический крестьянин деревни Шадровской Фоймогубской волости Петрозаводского уезда Филипп Федоров обязался за взятые в долг у крестьянина Повенецкого уезда Пудожгорской волости Ивана Калинина хлеб и деньги (всего на 47 руб. 50 коп.) поставить смолу и деготь.⁶

в) Под залог имущества и пашенных участков. Например: государственный крестьянин Шустручской волости Оштинского погоста Никулин в 1792 году дал заемные письма Кузьмину и Якимову в том, что занял у них «в свою необходимую нужду и на платежах казенных податей денег 35 рублей до 1802 г.». За полученные в долг деньги заложил он поляну, разработанную своим отцом в урочище на Крутом Ручье, «пашенную землю и сенной покос — все без остатку».⁷

Если должник не мог уплатить долга, то лишался заложенного имущества. Так, в «заемном письме» крестьянина Т. Григорьева, заложив-

¹ ЦГА КАСР, ф. 63, оп. 3, д. 110/755, л. 17.

² Там же, ф. 644, оп. 1, д. 22/156, л. 9.

³ Там же, ф. 63, оп. 3, д. 110/755, л. 50об.

⁴ См. предыдущее изложение, стр. 39.

⁵ ЦГА КАСР, ф. 192, оп. 2, д. 1/18, л. 1.

⁶ Там же, ф. 63, оп. 3, д. 620, л. 39.

⁷ Там же, л. 10б.

шего за взятые в долг деньги у пономаря все имущество и пашенный участок, указывалось, что в случае неуплаты им долга в назначенный срок все заложенное имущество остается за кредитором.¹

Во второй половине XVIII века богатые крестьяне обладали значительными капиталами. О наличии капиталов у ряда первостатейных крестьян говорят факты перехода их в купеческое сословие. В «Наказах» в Законодательную Комиссию 1767 года крестьяне Олонецкого уезда писали, что в некоторых погостах «самые лучшие и прожиточные» с целью избавиться от повинности по несению казенных служб «записались с богатством своим в олонецкое купечество».² Крестьяне, переходившие в купеческое сословие, должны были иметь капитала не менее 300 рублей. У некоторых капиталы превышали 1000 рублей. Так, в 1763 году в Олонецкой воеводской канцелярии рассматривалась просьба крестьянина Олонецкого уезда Кондушской волости П. Мокрушина о зачислении его и трех малолетних сыновей «по объявлению капитала до 1200 рублей» в олонецкое купечество.³ Имеющиеся данные показывают, что процесс образования купечества из среды более состоятельных крестьян происходил активно. В 1762 году только в одном Олонецком погосте записалось в купечество 46 крестьян.⁴ В 1785 году в пудожское купечество записалось 69 крестьян.⁵

Об имущественном неравенстве среди крестьян говорят духовные завещания, челобитные о разделе имущества умерших родственников, описи имущества крестьян, совершивших преступления, и сообщения чиновников. Так, на основе челобитной крестьянина Пянтюкова о разделе имущества умершего крестьянина Андомского погоста Тимофея Шошина между оставшимися родственниками мы видим, что движимое и недвижимое имение умершего оценивалось в 4000 рублей. В состав имения входили жилой дом, скотные дворы, большое количество хлеба (в амбарах до 320 четвертей), 12 лошадей, 31 голова крупного рогатого скота и 20 овец. В амбарах на пристани имелось 600 кулей муки, 200 четвертей овса, 10 пудов масла, 30 кулей муки овсяной и толокна, галиот, мельница, на 365 рублей векселей, на 100 четвертей хлебных писем, 5000 штук беличьих шкурок и 650 рублей.⁶

Из всего этого видно, что владелец их принадлежал к зажиточной группе крестьянства, был одним из крупных владельцев земли, скота, ростовщиком, торговцем и скупщиком. Исходя из изложенного, можно утверждать, что хозяйство крестьянина Шошина было товарным, так как предметы сельскохозяйственного производства—хлеб, масло и др.—поступали на рынок (об этом свидетельствует наличие амбаров с хлебом на пристани и судна для перевозки грузов). Некоторая часть хлеба для продажи, по-видимому, перекупалась Шошиным у местных крестьян. Необходимо отметить, что в его хозяйстве, несомненно, применялась наемная рабочая сила, ибо такое сравнительно большое хозяйство не могло держаться без применения некоторого количества наемных рабочих.

Из перечисленных примеров мы видим, что внутри деревни про-

¹ ЦГА КАСР, ф. 652, оп. 2, д. 2, л. 1об.

² Сб. РИО, т. 115, стр. 139.

³ ЦГАДА, ф. 547, оп. 2, д. 1827, л. 287.

⁴ ЦГА КАСР, ф. 656, оп. 1, д. 31, лл. 465, 466; д. 6/40, лл. 324, 325.

⁵ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 4/70, лл. 6—7.

⁶ ЦГАДА, ф. 547, оп. 1, д. 623, лл. 10—12.

исходило выделение группы «первостатейных» крестьян, концентрирующих в своих руках землю, скот, орудия промыслов, денежные капиталы и прочее.

Наряду с образованием группы «первостатейных» шло разорение другой части крестьян. Сравним с хозяйством Шошина хозяйства наиболее разорившихся и обедневших крестьян. Так, крестьянин Чикозерской волости Виницкого погоста И. Лукин имел избу стоимостью в 10 рублей, лошадь — 7 рублей, деревенский участок: 3 поля с посевом 3 четверика (приблизительно около одной четверти десятины), пожню с выкосом в 4 воза.¹ А имущество крестьянина Ильинского погоста Васильева состояло из избы с двумя хлевами — «в избе иконы и двери на железных крюках, а другого пожитка при доме том ничего не имеется, никакого скота нету... деревенского участка [земли] нет...»² Из перечня имущества в хозяйствах крестьян Лукина и Васильева мы видим, что оба крестьянина относились к группе разорившихся крестьян. Если крестьянин Лукин был еще связан с землей, имел небольшой участок, то крестьянин Васильев был совершенно лишен основных средств производства, не имел ни земли, ни скота и должен был наниматься в работники.

О неприглядной картине запустения и бедности отдельных крестьянских хозяйств свидетельствуют показания чиновника Иванова, обследовавшего в 1785 году Повенецкий уезд. Так, в деревне Машозеро Шуезерского погоста «крестьяне Иван Афанасьев с женою и тремя малолетними детьми и Василий Савин с женою и четырьмя детьми малолетними найдены [им] в сущей бедности, хлеба имеют не более как недели на две или на три, да и то смешанного с соломою и сосновою корою. Одежания ж на женах и детях нет никакого, кроме нижнего, а у последнего малолетнего двое дети нагие, скота имеют по одной только корове, а более нет никакой скотины... По неурожаю в прошедшие 4 года в запасе хлеба никакого не имели».³

Глубокие экономические противоречия внутри крестьянства Карелии во второй половине XVIII века прослеживаются по данным таблицы о количестве прожиточных, посредственных и бедных крестьянских дворов в Олонецкой губернии, приведенной в работе Озерецковского «Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильмена». Как видно из таблицы, 15 613 крестьянских дворов на территории Петрозаводского, Олонецкого, Повенецкого, Пудожского и Кемского уездов Олонецкой губернии было «достаточных» (богатых) — 10,3% или 1591 двор, «посредственных» (средних) — 46,2% или 7223 двора и бедных — 43,5% или 6799 дворов.⁴

В отдельности по каждому уезду эти данные распределяются следующим образом (см. табл. на стр. 43).⁵

Таблица показывает, что более глубоким процесс дифференциации был в Кемском, Олонецком и Петрозаводском уездах. Особенно выделяется Кемский уезд, в котором резко выражены крайние группы. Средняя прослойка составляла всего пятую часть крестьян Кемского уезда.

¹ ЦГАДА, ф. 547, оп. 1, д. 481, лл. 70, 70 об.

² Там же, д. 330, л. 1.

³ ЦГА КАСР. ф. 2, оп. 61, д. 73, л. 40.

⁴ Н. Озерецковский. Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому, и вокруг Ильмена. СПб, 1792, стр. 200.

⁵ Там же, стр. 200.

	„Доста- точных“	%	„Посред- ствен- ных“	%	Бедных	%	Итого всех дворов
Петрозаводский	381	8,4	2071	45,9	2065	45,7	4517
Олонецкий . .	437	12,7	1307	37,9	1703	49,4	3447
Повенецкий	234	5,6	2221	53,2	1718	41,1	4173
Пудожский . .	485	16,6	1508	51,8	917	31,5	2910
Кемский . . .	54	9,5	116	20,5	396	70	566

Такое явление можно объяснить тем, что все эти уезды были наиболее развитыми в промышленном отношении районами Карелии. Основным занятием населения Кемского уезда служили морские рыболовные промыслы (в 1785 году 85% крестьянских дворов в г. Кеми были заняты морскими промыслами).¹ В Петрозаводском и Олонецком уездах во второй половине XVIII века широкое развитие получили казенная и частная металлургия и лесопильная промышленность. К этому периоду относится строительство крупного казенного пушечного и снарядолитейного Александровского завода, частных металлургических заводов: Тивдийского, Туломозерского, Топозерского и др., новых лесопильных заводов в Олонецком уезде.

Хотя данные таблицы о количестве «достаточных», «посредственных» и бедных крестьянских дворов не могут быть приняты как абсолютно достоверные для определения количественного соотношения указанных групп, ибо нам неизвестно, что бралось за основу при характеристике крестьянских хозяйств, но тем не менее они свидетельствуют об имущественном неравенстве среди крестьянства Карелии, о делении крестьян по экономическому положению на три группы.

Если взять эти данные за основу, то можно сказать, что процесс дифференциации глубоко проник в карельскую деревню. Около половины (43%) крестьянских дворов были маломощными, а средняя прослойка, за счет которой пополнялись крайние группы крестьян, в этот период уже составляла менее половины (46%).

Углубление экономических противоречий вело к социальному расслоению крестьянства, к образованию классов капиталистического общества.

В. И. Ленин, исследуя вопрос об имущественном и социальном расслоении крестьянства, вскрыл несостоятельность попыток народнической и буржуазной историографии свести этот процесс к одному имущественному неравенству. Он показал, что имущественное неравенство является лишь предпосылкой социального неравенства. «Старое крестьянство не только «дифференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения,— типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством».²

¹ Архангельская губерния по статическому описанию 1785 года. Архангельск, 1916; ЦГА КАССР, ф. 253, оп. 1, д. 8/414, лл. 3, 4; Там же, оп. 1, д. 12/477, лл. 1—2.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 142.

Наряду с имущественным расслоением крестьянства в карельской деревне появились зачатки социального расслоения.

С одной стороны, состоятельные крестьяне вкладывали свои капиталы в постройку железоделательных, лесопильных и кожевенных предприятий, в судостроение. Так, владельцы Вичковского и Туборецкого железоделательных заводов купцы Ольхины были в прошлом крестьянами Вытегорского погоста.¹ В 1763 году один крестьянин Выгорецкого жителяства предпринимал строительство лесопильного завода о двух рамах при устье реки Ижмицы, впадающей в Оров-губу Онежского озера.² В 1792 году экономический крестьянин Сумского острога Повенецкого уезда Василий Гаврилов договорился с купцом Петрозаводского уезда Фатеем Германовым построить на общий капитал в городе Петрозаводске кожевенный завод.³

С другой стороны, крестьяне, лишившиеся частично или полностью основных средств производства (земли и орудий промыслов), вынуждены были в силу экономической необходимости продавать свою рабочую силу: наниматься в работники к местным купцам и состоятельным крестьянам. В книгах Петрозаводского магистрата за последнюю четверть XVIII столетия зафиксированы десятки договоров о найме крестьян для работы на заводах, мореходных судах, строительстве купеческих зданий, судов и т. д. За первые три месяца 1788 года имеется 75 случаев найма крестьян к петрозаводским купцам.⁴ В книге договорных записей 1790 года за первые четыре месяца зафиксировано более 30 договоров крестьян из Повенецкого, Пудожского и других уездов о найме их матросами на купеческие суда.⁵

Во второй половине XVIII в. более часто, чем в первой половине столетия между владельцем предприятия и непосредственным производителем выступают подрядчики. Для выполнения различного рода казенных работ: заготовки и доставки сырья (дров, руды и др.) на Александровский завод и частные металлургические заводы, перевозки продукции заводов и тивдийского мрамора в Петербург крестьяне в большинстве случаев нанимаются к подрядчикам.

Так, в сентябре 1787 г. экономический крестьянин Сермакской волости Лодейнопольского уезда Иконников заключил договор с подрядчиком Александровского завода купцом Анциферовым о перевозке на своем судне в течение осени (до закрытия навигации) из Петрозаводска в Петербург 5 тыс. пудов снарядов (ядер, кнпелей) и медного купороса при условии получения за перевозку 300 руб. (по 6 коп. за пуд). При подписании договора крестьянин Иконников получил задаток от купца в размере 150 руб. В договоре указывалось на привлечение крестьянином Иконниковым во время прохождения судна по водной магистрали из Петрозаводска в Петербург дополнительной наемной рабочей силы и лоцманов для проведения судов через Свирские пороги.⁶

¹ О. И. Васильевская. Частная металлургия Карелии в середине XVIII в. Петрозаводск, 1954, стр. 75.

² ЦГАДА, ф. 547, д. 1827, л. 292.

³ ЦГА КАСР, ф. 63, оп. 3, д. 620, л. 79.

⁴ Там же, д. 66/560, лл. 1—100.

⁵ Там же, д. 72/596, лл. 1—23, 38 об.; 39, 40.

⁶ Там же, д. 61/542, лл. 2—3.

В январе 1788 года 8 экономических крестьян Ялгубской волости Шуйского погоста Петрозаводского уезда договорились с экономическим крестьянином Шуйского погоста С. Федоровым «в силу данного им договора в горную экспедицию» о поставке 80 сажен «трехаршинных» березовых дров. Причитающийся заработок получили при заключении договора. В случае невыполнения взятого на себя обязательства крестьяне должны были уплатить подрядчику Федорову более высокую сумму.¹

В мае 1788 года крестьянин Ф. Козьмин взял подряд на проведение всех плотничных работ в казенных, каменных домах г. Петрозаводска (Круглая площадь) и нанимал плотников из крестьян Андомского погоста. Наем производился через крестьян В. Бусарина и Г. Пальцова, которые при заключении договора получали от подрядчика 300 руб. и после выполнения работ 550 рублей.

В обоих случаях крестьяне Иконников, Басарин и Пальцов, заключая договора с подрядчиками, в свою очередь, тоже являлись подрядчиками, так как для выполнения работ нанимали работников из среды бедных крестьян. Часто в договорах даже указывалось, сколько требуется нанять рабочих («содержать... не более 20 человек» и т. д.).²

Во всех вышеприведенных договорах о найме мы видим, что крестьяне получали от подрядчика вперед часть причитающегося заработка в виде задатка, который являлся своего рода приманкой для привлечения наемной рабочей силы. Путем задатка подрядчик закабаллял крестьянина, ставил его в личную зависимость. Все эти подрядчики выступали в роли капиталистических предпринимателей, эксплуатировавших значительную массу крестьянства.

Богатые крестьяне в целях расширения своего хозяйства прибегали к эксплуатации труда разорившихся односельчан. Они использовали бедноту при расчистке новых земель, производстве уклада в укладных мастерских, на строительстве судов, при выполнении всевозможных подрядов. Так, в челобитной в Олонецкую воеводскую канцелярию государственный крестьянин Олонецкого погоста Е. Ламбасов сообщал о захвате крестьянами расчищенного им «с работными людьми всего 8 человек» «в летнее время» 1753—1754 гг. участка из «дикого лесу».³

В 1785 году чиновник Иванов сообщал в Олонецкое наместническое правление о том, что в Панозерском, Паданском, Ругозерском, Ребольском, Шуезерском погостах «могущие работать [крестьяне] нанимаются у имеющих ручные печи, в коих обрабатывают уклад, получая за готовым хозяйским хлебом по 30 коп. в неделю, и сия работа большею частью производится по домам».⁴ В этом случае владельцы укладных мастерских («ручных печей») выступали в роли эксплуататоров своих соседей.

В договорных книгах Петрозаводского городского магистрата имеется ряд соглашений между беднотой и состоятельными крестьянами о найме первых на работу к последним. Так, в марте 1792 года государственный крестьянин Вытегорского уезда, Мегорского погоста Евсеев договорился с крестьянином того же погоста об отдаче «во услужение»

¹ ЦГА КАССР, ф. 63, оп. 3, д. 66/560, лл. 16—17.

² Там же, д. 66/561, лл. 80—81.

³ ЦГАДА, ф. 547, оп. 1, д. 789, л. 1.

⁴ ЦГА КАССР, ф. 2, оп. 61, д. 73, л. 98.

последнему сыну своего Спиридона на 6 лет при условии получения в каждый год по 20 рублей. Из этого договора мы видим, что разоряющийся крестьянин для поддержания своего хозяйства и уплаты податей отдает члена своей семьи (сына) в батраки к деревенскому богачу. Характер работ в договоре не указан. Отдача крестьянина «во услужение» означала выполнение им всякого рода работ, какие потребует хозяин. Оплата труда крестьянина производилась деньгами и натурой (во время пребывания в работниках хозяин обеспечивал «харчами» и одеждой).

В условиях найма крестьян к купцам и богатым крестьянам господствовала кабальная система, ставившая нанимавшегося в личную кабальную зависимость от нанимателя. Средством закабаления крестьянина являлись задатки (часть заработка или полностью причитающийся заработок), полученные при заключении договора, и долговые обязательства. В качестве примера проиллюстрируем встретившийся в договорных книгах расчет (счет) крестьян Ивенской волости — Г. Стрельцова с детьми — петрозаводским купцом Бекреневым, подрядчиком по постройке гранитных набережных в Петербурге и Кронштадте. В расчете подрядчик отметил, что при заключении договора выдано в задаток 550 рублей, после этого выдано по 18 февраля 1792 года «на платеж казенных податей и прочей надобности» до 910 руб. 26 коп., а всего выдано 1460 руб. 26 коп. «В том числе заработано: Артемий и Корнил вступили в 1784 году в марте в первых числах и находились по то же число 1792 года» всего 8 лет — «по договору платы обоим по 40 руб. в год, а всего заработали — 320 руб. Петр вступил в 1787 году по 1792 год [проработал] — 5 годов — по 30 руб. [в год] — всего [заработал] 150 руб. деньгами. Стрельцовы внесли 100 руб., а всего заработали и внесли 570 руб. и остались Бекреневу должны 890 руб. 26 коп.»¹

Приведенный расчет показывает исключительно кабальные условия найма. Здесь мы видим: во-первых, закабаление крестьян подрядчиком путем выдачи задатка при заключении договора; во-вторых, нищенский годовой заработок (20—30 руб.), которого крестьянину не хватало не только для уплаты податей и долга подрядчику, но даже на свое содержание, и, в-третьих, в результате низкой заработной платы крестьяне при расчете оставались должниками подрядчику и попадали к нему в кабалу. Крестьянская беднота попадала в кабальную зависимость к зажиточным крестьянам и купцам в результате долговых обязательств. Так, в 1786 году экономический крестьянин Шунгского погоста Базанов за взятые в долг 20 руб. отдал в «услужение» своего сына на время с 1 марта по 1 октября 1788 года. В случае возвращения сына из «услужения» раньше указанного срока крестьянин должен был возвратить взятые деньги обратно.² Таким образом, сын крестьянина Базанова был отдан в работники к состоятельному крестьянину в качестве заложника за полученный долг.

В 1792 году крестьянин Повенецкого уезда Семчезерского погоста Лазарев занял у Петрозаводского купца Сысоева 15 руб. «на платеж подушных податей». За эти деньги он отдал в работники своего сына Макария и дочь Марью с апреля 1792 года по апрель 1794 года.³

¹ ЦГА КАСР, ф. 63, оп. 3, д. 620, лл. 85—86.

² Там же, д. 66/560, лл. 32об., 33.

³ Там же, д. 620, лл. 41об., 42.

Эти примеры долговой кабалы говорят об исключительно грубой крепостнической форме эксплуатации, характерной для таких условий, когда «капитал,— как указывал В. И. Ленин,— не будучи еще в состоянии прямо подчинить себе рабочего простой покупкой его рабочей силы по ее стоимости, опутывает трудящегося целой сетью ростовщических прижимок, привязывает его к себе кулаческими приемами, и в результате грабит у него не только сверхстоимость, а и громадные части заработной платы».¹

Некоторые разорившиеся крестьяне нанимались к крестьянам-богачам для выполнения за них рекрутской повинности. Так, в декабре 1787 года крестьянин Вокнаволоксской волости П. Степанов нанялся в рекруты за семейство крестьянина той же волости Ф. Миронова за 250 руб., полученные им при заключении договора. Материальное положение Степанова видно из того, что наниматель обязался уплатить за его семейство пятилетнюю недоимку и впредь платить подати до новой ревизии (то есть до исключения Степанова из податных списков).²

В том же году и на таких же условиях крестьянин Ребольского погоста В. Могучий поступил в рекруты за семейство крестьянина того же погоста Г. Власова, получив за это 400 руб. денег при заключении договора и 100 руб. после зачисления в солдаты.³ За такую же сумму крестьянин Шунгского погоста П. Григорьев в 1790 году нанял крестьянина Паданского погоста Иванова в рекруты за свое семейство. При заключении договора Иванов получил задаток в размере 260 руб.⁴ Эти примеры показывают, что богатые крестьяне располагали огромными суммами и освобождали себя от долголетней воинской повинности.

Значительная часть малоимущих крестьян уходила на отхожие промыслы в города: Петербург, Москву, Архангельск, Ригу и др. в качестве плотников, каменщиков, рыболовов и других наемных рабочих.

Так, в октябре 1782 года 88 плотников из Олонецкого, Вытегорского и других уездов заключили договор с Петербургской казенной палатой о найме на строительство казенных судов в Херсоне.⁵

Уход крестьян на отхожие промыслы был ограничен паспортной системой. Строгая паспортная система преследовала полицейскую и фискальную цели. Прикрепляя крестьян к селениям, она помогала осуществлять надзор за их поведением и вести учет плательщиков. При получении паспорта крестьянин должен был найти для себя поручателей перед миром в исправной уплате им податей и в выполнении натуральных повинностей. Паспорта выдавались сроком от 1 до 3 лет. Человек без паспорта преследовался как бродяга и беглый.

Однако, несмотря на ограничения, отходничество во 2-й половине XVIII века получает широкое развитие. В «Наказах» в комиссию 1767 года крестьяне Олонецкого уезда писали, что «для работы в разные города и уезды отлучиться куда по данным из Олонецкой канцелярии пашпортам, не в пример прошлых лет (подчеркнуто мною. — Г. Б.) отошло крестьянства число немалое. А прочие для хлебной скудности разбрелись в разные уезды, где кто себя пропитать может».⁶

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 200.

² ЦГА КАСР, ф. 63, оп. 3, д. 61/541, лл. 15 об., 16.

³ Там же, д. 61/540, лл. 1 об., 2.

⁴ Там же, оп. 5, д. 3/8, л. 123.

⁵ Там же, оп. 3, д. 33/288, л. 247.

⁶ Сб. РИО, т. 115, стр. 128, 134.

В 1753 году крестьянам Олонецкого уезда было выдано около 1300 паспортов,¹ в 1755 году около 1750 паспортов.² В 1770 году по требованию Олонецкой воеводской канцелярии было прислано для раздачи отпускаемым на работу крестьянам 5000 паспортов.³ Многие крестьяне, не нашедшие для себя поручателей, уходили на промыслы без паспортов или с фальшивыми паспортами.⁴

Многие крестьяне, уходившие на отхожие промыслы, заключали у себя на родине договора с подрядчиками. Так, в ноябре 1782 года крестьянин Андомского погоста И. Титов заключил договор с советником С.-Петербургской казенной палаты Ярцовым о представлении на строительство казенных судов в Херсоне 60 плотников. В договоре оговаривалось, что задатки плотникам раздаст сам Титов «по своему реестру».⁵

Из этого договора мы видим, что крестьянин Титов являлся подрядчиком. Ему устанавливалась большая заработная плата в месяц, чем остальным рабочим. Выдача задатков нанимающимся «по своему реестру», то есть по своему усмотрению, создавала условия для присвоения подрядчиком некоторой части заработной платы рабочих.

В январе 1788 года нанялось к подрядчику Бекреневу — петрозаводскому купцу — на строительство набережной реки Фонтанки в Петербурге 58 крестьян из Олонецкого, Лодейнопольского, Повенецкого и других уездов. Каждому из нанимающихся крестьян выдавался задаток в пределах половины заработной платы.⁶

В октябре 1789 года 6 крестьян Пидемской волости, Важенского погоста, Олонецкого уезда заключили контракт с подрядчиками-откупщиками по строительству военных судов в Кронштадте петрозаводским купцом Бекреневым и петербургским купцом Дубровиным о выполнении плотничных и других работ на постройке военных судов-фрегатов в течение 6 месяцев, начиная с октября 1789 года. При подписании договора крестьяне получили задаток.⁷

Эти примеры показывают, что многие крестьяне-отходники эксплуатировались местными купцами и зажиточными крестьянами, выступавшими в роли подрядчиков.

Отходничество в условиях феодально-крепостного строя играло значительную роль в развитии капиталистических отношений в деревне. Оно отрывало крестьянское население от земледелия и способствовало созданию рынка вольнонаемной рабочей силы.

Более значительным социальное расслоение крестьянства было в Карельском Поморье. Большинство крестьян было лишено основных орудий производства, необходимых для промысла (судов и орудий лова), и нанимались к богатым землякам-судовладельцам и рыбопромышленникам. Так, согласно сообщению Кемского земского исправника Афанасьева олонецкому наместнику Чирикову в 1790 году в Шуерецкой волости Кемского уезда было 15 крестьян-судо-

¹ ЦГАДА, ф. 547, оп. 1, д. 1360, лл. 1—100.

² Там же, д. 1454, лл. 1—118.

³ Там же, д. 483, л. 357.

⁴ Архангельский обл. арх., ф. 1307, д. 1522, 1786, лл. 3, 4; Там же, ф. 1, д. 10 435, лл. 177—178; ЦГАДА, ф. 547, оп. 2, д. 1307, л. 9.

⁵ ЦГА КАССР, ф. 63, оп. 3, д. 33/288, лл. 13, 14.

⁶ Там же, д. 33/293, лл. 1, 2, 3, 4, 6, 8, 9, 10, 12, 13 и др.

⁷ Там же, оп. 7, д. 1/1, л. 78.

владельцев, у которых работало по найму на промысле 120 крестьян той же волости и 60 крестьян из Онежского уезда Архангельской губернии.¹

Основная масса крестьянства уходила на промыслы ранней весной, совершая тяжелый путь через Кольский полуостров на Мурманское побережье, где находились рыбацкие становища. Рядовые рыбаки нанимались к рыбопромышленникам на условиях покрута, то есть их труд оплачивался определенной долей от промысла. Экипаж судна (шняки), состоящий из 4 человек, получал за труд только одну треть, или одну четвертую часть промыслового дохода, а на одного рыбака приходилась $\frac{1}{12}$ или $\frac{1}{16}$ часть всего дохода от промысла. И только кормщик находился на особом положении. Кроме причитающейся доли, хозяин платил ему так называемый «свершенок» в размере от 3 до 5 рублей.

Такие условия найма не могли обеспечить самые минимальные потребности рыбацкой семьи и вынуждали рыбака идти в долговую кабалу к рыбопромышленнику. Долговые обязательства ставили рыбака-покрученника в личную кабальную зависимость от хозяина-рыбопромышленника почти на всю жизнь.

Рассмотренный нами материал позволяет прийти к выводу, что во второй половине XVIII века в карельской деревне происходило углубление экономических противоречий. Продолжался процесс имущественного расслоения крестьянства и возникали зачатки социального неравенства. На одном полюсе деревни в руках одной группы крестьян происходила концентрация основных средств производства (земли, орудий промыслов и др.). В отличие от центральных губерний страны основным источником накопления капиталов первостатейными крестьянами в большинстве районов Карелии являлась не земля, а промыслы, торговля, ростовщические операции.

Другая группа крестьян отрывалась от основных средств производства и вынуждена была продавать свою рабочую силу, как товар, владельцам средств производства.

Таким образом, в деревне происходило разложение старых феодальных отношений и зарождение новых капиталистических. Однако процесс социального расслоения крестьянства протекал медленно. Зарождавшиеся новые типы сельского населения не могли окончательно превратиться в классы капиталистического общества, так как этому препятствовал феодально-крепостнический строй, а в связи с ним сословная замкнутость крестьянской общины, круговая порука, строгая паспортная система и другие ограничения. Сохранению старого способа производства способствовало также широкое распространение кабалы и ростовщичества.

¹ ЦГА КАССР, ф. 396, 1790, оп. 5, д. 1/3, л. 38.